

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Подольский В.А. Социальная политика и преодоление социальных конфликтов в испанской консервативной политической философии XIX века // Конфликтология / nota bene. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.4.72723 EDN: ZOCJPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72723

Социальная политика и преодоление социальных конфликтов в испанской консервативной политической философии XIX века

Подольский Вадим Андреевич

кандидат политических наук

научный сотрудник; сектор истории политической философии; Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12 с. 1

✉ deomniscibili@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теории, идеи и концепции урегулирования и разрешения политических конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.4.72723

EDN:

ZOCJPN

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Дата публикации:

26-12-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу предложений испанских консерваторов в сфере социальной политики. «Социальный вопрос», связанный с неустойчивым материальным положением наёмных промышленных рабочих, в Испании, как и в других странах Европы, проявлял себя на фоне ряда других конфликтов, связанных с династическими спорами, вопросами формы правления, местных полномочий и экономических ограничений. Из всех конфликтов «социальный вопрос» испанские консерваторы считали наиболее серьёзным, поскольку видели в нём самую масштабную угрозу для собственности и общественного порядка. Консерваторы критиковали социализм как попытку решения «социального вопроса» через полное изменение отношений собственности и власти. Консерваторы также не соглашались с laissez-faire

либерализмом, выступавшим против всякого государственного вмешательства в экономику. Для анализа выбрано политико-философское наследие Бальмеса, Кортеса, Браво Мурильо и Кановаса дель Кастильо как наиболее известных испанских консерваторов XIX века. Рассматривается обоснование возможных мер социальной политики в текстах сочинений и публичных выступлений изучаемых авторов. Консерваторы исходили из того, что неравенство существует от природы и материальное неравенство неизбежно. Средствами для сглаживания недовольства наименее обеспеченных своим материальным положением и смягчения социальных конфликтов испанские консерваторы считали религиозную благотворительность и корпоративную поддержку. Государственная социальная поддержка, по мнению консерваторов, должна применяться только в тех случаях, когда благотворительности или корпоративной помощи недостаточно. Консервативная политическая философия повлияла на характер и содержание социальных законов в Испании. Сложившаяся в конце XIX-начале XX века система социальной политики отражала консервативные ценности, которые впоследствии были развиты в корпоративных механизмах социального обеспечения в середине XX века и по сей день влияют на ряд аспектов испанского социального государства.

Ключевые слова:

Доносо Кортес, Бальмес, Браво Мурильо, Кановас дель Кастильо, консерватизм, социализм, социальный вопрос, социальная политика, благотворительность, история Испании

Введение. Социальный вопрос и социальный конфликт.

Актуальность настоящего исследования – в анализе связи социальных конфликтов и социальной политики. Расходы в сфере социальной политики в современных государствах, как в России, так и в странах Европейского союза и в США, в настоящее время составляют около трети ВВП и, обычно, на них приходится большая часть бюджетных трат. Старение населения и снижение рождаемости одновременно ведут к росту социальных расходов, и затрудняют их увеличение из-за снижения доли работающего населения. Сокращение социальных расходов предоставляется политически неприемлемым, поскольку ведёт к росту социальной напряженности. Ограничение роли государственного перераспределения в социальной политике в последние десятилетия обсуждалось представителями неоконсерватизма, движения, возникшего в США и в Британии в 1970-е из-за реакции на быстрый рост социальных расходов. Представители этого движения призывали к сокращению социальных трат, поскольку, вопреки ожиданиям, их увеличение в 1950-е и 1960-е не привело к снижению количества и остроты социальных конфликтов [\[23, р. 381\]](#).

Неоконсерватизм и недоверие к масштабному государственному вмешательству распространился также и в континентальной Европе и повлиял на ряд решений в сфере социальной политики. В Испании сторонником ограниченного государственного участия в экономике в 1980-е был Мануэль Фрага Ирибарне (1922-2012), политик, публицист и самый известный испанский консерватор конца XX века. Фрага Ирибарне пытался содействовать плавному переходу Испании к демократии и написал ряд работ по политической философии, в том числе историю консервативной мысли в Испании, для обоснования новой политической системы. Он опирался на идеи Карла Шmitta, когда предлагал направить существующие конфликты в мирное русло с помощью конкурентной

партийной системы [21], а также на опыт историка и политика Антонио Кановаса дель Кастильо (1828-1897), который создал двухпартийную систему в Испании в конце XIX века [1, с. 105].

Льюис Козер, один из ключевых теоретиков конфликтологии, в книге «Функции социальных конфликтов» (1956) развивал идеи Георга Зиммеля и Эдварда Росса о структуре общества и конфликтах. Козер пришёл к выводу, что существование множества групповых идентичностей и интересов, связанных с экономической и религиозной принадлежностью, обеспечивает защиту от распада общества, поскольку раскол между двумя экономическими группами может быть нивелирован их солидарностью по религиозному вопросу и наоборот [17, р. 78-79]. Когда же общество расколото по одному основанию – например, на богатых и бедных – конфликт между группами может угрожать его существованию. Испанские консерваторы считали, чтонейтрализация угроз для общества, связанных с «социальным вопросом» как конфликтом между работниками и работодателями, возможна благодаря объединяющему и примиряющему воздействию религии. Многие из них также считали, что и государство должно содействовать общественной стабильности, устанавливая правила социальной политики. По наблюдению Ральфа Дарендорфа, после того, как политическое неравенство статуса было устранено в XIX-XX веках, «затухание» социального конфликта происходило благодаря развитой социальной политике, поддерживающей покупательную способность всех граждан [5, с. 59].

Исследования по теме. Методология.

Социальная политика в испанском консерватизме в основном изучалась авторами из Испании [19], [22]. В англоязычной литературе обычно изучается легитимизм в испанском консерватизме XIX века и политическая философия Доносо Кортеса [6]. В отечественной науке исследования по испанскому консерватизму в основном представлены работами Ю.В. Василенко из НИУ ВШЭ – как по современному состоянию консервативной политической философии в Испании [1], так и по взглядам авторов прошлого – Бальмеса [2], Доносо Кортеса [3], Браво Мурильо [4].

Для анализа отношения испанских консерваторов к социальной политике как средству урегулирования социальных конфликтов изучаются их восприятие структуры общества, отношение к неравенству, собственности, происхождению власти, роли религии и благотворительности, государственному перераспределению. Кратко рассматривается история формирования социальной политики в Испании как для обозначения контекста, в котором консерваторы разрабатывали свои предложения, так и для отражения влияния консервативной политической философии на социальную политику.

Развитие социальной политики в Испании до XX века.

В Испании, как и в других странах Европы, законодательство в социальной сфере развивалось на базе сложившейся в Средние века религиозной благотворительности. Общий для Европы процесс передачи функций социальной защиты от религиозных организаций муниципалитетам в XV-XVI веках в Испании был ускорен из-за примера мусульман, при которых благотворительные учреждения управлялись светскими властями, а благотворительность получала целевое финансирование [30, р. 19-20].

Второй особенностью Испании, отличавшей страну от большинства европейских государств до XIX века, было активное участие центральной власти в организации

благотворительности. В XV-XVI веках по инициативе королей Испании, а также местных кортесов, начался процесс объединения небольших благотворительных учреждений в крупные госпитали. Из приютов госпитали становились специализированными медицинскими учреждениями, многие из них существуют по сей день [\[7, р. 163-164\]](#). За функционирование объединяемых учреждений отвечали советы, в состав которых обычно входили представители церкви и наиболее состоятельные горожане. Иногда членов советов назначал монарх [\[27, р. 181\]](#).

Одним из первых теоретиков светской социальной политики в Европе был философ испанского происхождения, Хуан Луис Вивес (1492-1540), который разработал программу муниципальной социальной защиты, когда проживал в Брюгге. Похожая программа была принята в Ипре, а затем в ряде других соседних городов Фланандии, которая тогда находилась под испанским контролем. Опыт североевропейских городов и конкуренция с протестантами привели к тому, что в 1531 году император Священной Римской Империи и король Испании Карл V Габсбург издал эдикт, по которому муниципальные власти должны были организовывать сбор средств для помощи бедным [\[30, р. 14-15\]](#).

В XVIII веке в Испании стали популярны идеи просветителей, которые критиковали благотворительность, считая, что она вредит прогрессу, способствует праздности и закрепляет бедность. Просветители связывали подаяние с ростом преступности и неповиновением властям. Вводились ограничения на сбор подаяния, поскольку считалось, что возможность собирать милостыню для бедных приводит к тому, что они отказываются трудиться. В XVIII веке также упразднялись многие существовавшие со Средних веков практики: сундуки милосердия, с помощью которых собиралось зерно для того, чтобы нуждающиеся могли его сеять, сборы на приданное для девочек-сирот, раздача еды у ворот дворцов и монастырей. Исчезало чествование бедных в религиозных обрядах. Против госпиталей, возникших на паломническом пути Сантьяго на севере Испании в Средние века, были введены ограничения, которые обосновывались тем, что госпитали не предоставляли эффективную медицинскую помощь [\[15, р. 114-115\]](#).

Одним из проявлений популярности идей Просвещения стали реформы министра финансов Испании, маркиза Эскилаче в 1760-е, направленные на замену традиционной испанской одежды французской, которая считалась более современной. Население ответило бунтом, поскольку требование о смене одежды совпало с быстрым ростом цен на хлеб. Чтобы успокоить население, города Эстремадуры стали сдавать муниципальную землю в аренду нуждающимся, и практика постепенно распространилась по всей стране [\[25, р. 34-37\]](#). В это же время из страны были изгнаны иезуиты, а в конце века государство присвоило себе собственность ордена, а также ряда других религиозных организаций, из-за чего существенно пострадало высшее образование, преимущественно организованное силами иезуитов [\[26, р. 24\]](#).

С начала XIX века и до середины XX столетия в Испании постоянно происходили политические потрясения, в ходе которых новые власти отменяли решения своих предшественников, многие артикулированные инициативы в сфере социальной политики оставались нереализованными, но общий курс на расширение социальных программ сохранялся. Кадисская конституция 1812 года провозглашала право на государственное образование, здравоохранение и социальную защиту [\[28, р. 15\]](#).

В середине XIX века в Испании начали появляться общества взаимопомощи,

нацеленные на поддержку пожилых, инвалидов и вдов. Эти общества поддерживались церковью, а в Каталонии им предоставлялись субсидии от государства. В 1853 году эти общества были интегрированы в муниципальную систему социальной защиты [28, р. 15-16]. Секуляризация собственности религиозных организаций и ограничения на их деятельность со стороны государства привели к тому, что они продолжали терять доходы и исчезать, и роль государственной благотворительности возрастила. В 1855 году был принят закон о конфискации церковной собственности. Изъятие имущества братств, орденов, церкви, благотворительных организаций было настолько масштабным, что распродажа полученной государством собственности велась в течение нескольких десятилетий, до начала XX века. Часть ресурсов была направлена по закону 1856 года муниципалитетам для осуществления социальной поддержки [20, р. 43-48].

В 1880-е и 1890-е государственные комиссии изучали положение рабочих и крестьян и сформировали ряд предложений по созданию механизмов социального страхования в подражание немецкому образцу [28, р. 17]. Но меры, фактически реализованные в Испании уже в XX веке, сочетали итальянский и бельгийский опыт. В этих странах социальная поддержка рабочих организовалась предприятиями, которые за это получали субсидии от государства. Вплоть до конца XX века социальная политика в Испании – пенсии, пособия по безработице, здравоохранение – развивалась на базе корпоративных программ [16, р. 25-30] при минимальном участии государства. Социальная политика опиралась на идеи солидарности и католической этики. Церковь была координатором социальных программ [28, р. 29-37].

Отношение к социальной политике Хайме Бальмеса.

Социальный католицизм в XIX веке стал реакцией на ухудшение положения рабочих в эпоху промышленной революции. Многие католики спорили с преобладавшей в начале XIX века идеологией *laissez-faire* и по религиозным, и по социально-политическим причинам. Религиозная составляющая, в свою очередь, была связана с тремя предпосылками. Во-первых, если с точки зрения классической политэкономии подаяние вредило рынку труда, поскольку мешало мобильности и мотивации рабочей силы, то с точки зрения католицизма подаяние было исполнением религиозного долга. Во-вторых, сторонники отмены средневековых правил в экономике нередко выступали против церковной собственности. В-третьих, многие из сторонников изменения старых порядков и упразднения сословных привилегий были в принципе враждебны к церкви. Защита порядка и собственности была основным предметом консервативной политической философии. Консерваторы исходили из того, что для общества характерно неравенство, и выступали против эгалитаристских доктрин и проектов изменения общества. Материальное неравенство было отражением естественных и приобретённых различий в способностях людей и востребованности выполняемых ими функций. Испанские консерваторы полагали, что материальное неравенство могло быть сглажено не с помощью перераспределения, а только объединяющим влиянием религии.

Священник и публицист Хайме Бальмес (1810-1848) был самым заметным представителем социального католицизма в Испании. Его главная работа, «Сравнение протестантизма и католицизма в их влиянии на цивилизацию Европы» (1845) была во многом написана как ответ на «Общую историю цивилизации в Европе» (1828) Франсуа Гизо, в которой Гизо говорил о роли протестантизма в развитии цивилизации. Бальмес считал, что предпринятая в протестантских странах монополизация общественной благотворительности государством повредила духу благотворительности в Европе.

Благотворительность была не только средством выполнения требований религии, но и способом достижения согласия в обществе. Если бы те учреждения, которая создала католическая церковь, не были бы уничтожены, как при Генрихе VIII в Англии, то, полагал Бальмес, проблема бедности в Европе не стала бы настолько серьёзной [31, р. 51].

Рассуждения Бальмеса отчасти повторяли идеи Рене Шатобриана, выраженные им в «Гении христианства» (1802). Как и Шатобриан, Бальмес писал, что древний мир до христианства не знал организованной помощи бедным. Для решения социальных проблем в древности использовалось рабство и детоубийство. Благотворительности как помощи нуждающимся не было, а сострадание было неизвестно обществу. Когда христианское милосердие распространилось в мире, потребности людей удовлетворялись чаще и более эффективно, чем прежде.

Иисус Христос дал заповедь любить ближнего как самого себя и подтвердил своё учение примером. Он кормил голодных, посещал больных. Христос, отмечает Бальмес, мог проявить свою власть и подтвердить свою божественность с помощью чудесного движения звёзд или изменения законов природы, но он творил такие чудеса, благодаря которым несчастные получали утешение, а больные – исцеление. Земная жизнь Спасителя изложена во фразе из «Деяний святых апостолов» (10:38) – «Он ходил, благотворя».

Христианская благотворительность пыталась помочь детям, пожилым, больным, бедным, которые не могли обеспечивать себя своим трудом. Христиане создавали институты, обширные системы, так, чтобы как можно меньше вопросов решались по усмотрению отдельных лиц. Авторитет сохраняет единство и постоянство веры, а правило доверять всем учреждениям обеспечивает прочность и продолжительность всех её дел.

Распространение благотворительных организаций в Европе было связано с активностью католической церкви. По мнению Бальмеса, если рассматривать протестантизм как отдельную церковь, то можно увидеть его бесплодность, поскольку везде, где протестантизм сохранил иерархическую организацию, он выступает в качестве инструмента светских властей. Поэтому протестантизм не может действовать по собственному усмотрению. Протестантизм отрицает религиозные организации, из-за чего он теряет самое главное средство, доступное католичеству для осуществления наиболее трудоёмких задач, связанных с милосердием. Для того, чтобы творить дела милосердия, требуется свобода от мирских привязанностей и эгоизма. В наибольшей мере такие качества характерны для тех людей, которые занимаются благотворительностью в религиозных учреждениях.

Католическая церковь проявляла заботу о нуждающихся не потому, что её подталкивали к этому светские власти, но потому, что видела в этом свою важную обязанность. Со Средних веков действовали законы и постановления соборов, которые относили госпитали к сфере компетенции епископов, определяли положение погостий, учреждений для поддержки бедных, предписывали создание госпиталей и защищали их имущество, упоминали пожертвования монархов на содержание госпиталей. Все, кто нарушал правила, относящиеся к функционированию госпиталей, обвинялись в убийстве бедняков. Составлялись списки нуждающихся, чтобы регулировать раздачу им части средств, находящихся в распоряжении церкви. Архиереи или настоятели церквей посещали заключённых по воскресеньям. Дьяконы должны были узнавать о потребностях заключённых и обеспечивать их пищей через посредника, которого назначали по рекомендации епископа.

Бальмес был убеждён, что если бы европейская цивилизация продолжала бы развиваться в условиях единой религии, если бы из-за Реформации Европу не стали бы сотрясать постоянные циклы революций и реакции, то в католической церкви сформировалась бы общая и масштабная система благотворительности. Эта система отвечала бы изменениям, произошедшим в обществе вследствие технического прогресса, и могла бы предотвратить возникновение язвы пауперизма, терзающей современные государства, или исцелить её. В тех случаях, когда христианской благотворительности недостаточно, от светской помощи разумно ожидать пунктуальности и других качеств, которые, согласно правилам хорошего управления, должны проявлять люди, которые получают за свою работу деньги. Но за деньги нельзя купить то самое важное и незаменимое, что есть в церковной благотворительности, а именно любовь. Как и Шатобриан, Бальмес не доверял филантропии. Бальмес называл филантропию фальшивой монетой. Он считал, что церкви следовало иметь непосредственное влияние на все отрасли благотворительности, поскольку церковь лучше прочих знала, как использовать благотворительность для помощи нуждающимся и страждущим [8, р. 184-189].

Бальмес полагал, что неравенство в обществе существует в силу необходимости и связано с природой человека и общества. Неравенство представляет собой благо, поскольку оно обеспечивает функционирование государства, но избыток неравенства наносит ущерб обществу. Социальные классы соперничали во все времена и во всех странах. Новая ситуация возникла из-за развития промышленности и торговли. Средний класс усилился и возвысился, но также умножился и класс пролетариев. Разрыв между классами всё возрастает из-за распространения пауперизма, что создаёт угрозу для современного общества. Если бы средства, необходимые для выживания, стали бы доступнее, то многие политические потрясения были бы исправлены, а вопросы политики стали бы вопросом материального интереса.

Бальмес видел проблему в том, что богатство, как наименее органичный и рациональный из всех элементов социального статуса, стало основой для иерархии в обществе. Буржуазные структуры были чрезвычайно хрупкими. Новые богачи не имели свойств класса. Они представляли собой случайные группы семей, лишь недавно покинувших тьму и нищету, и вскоре вновь утонут там же и уступят место новым, которых будет ждать то же самое. В них нет ничего постоянного или устойчивого. Они живут одним днём, не думают о будущем, в отличие от старой аристократии. Поэтому буржуазия не справляется с проблемой массовой нищеты среди работающих классов, промышленники не спешат создавать кассы взаимопомощи или детские сады.

Доктрины либералов, отмечал Бальмес, едва ли нашли бы отклик у отцов семей, которые целыми днями терпят вредные условия и тяжелую работу, и при этом получают так мало денег, что их не хватает для расходов на себя и на содержание семей. Когда рабочие возвращаются домой, они не получают отдыха и облегчение, но их встречает плач жены и детей, просящих хлеба. Такое положение сложилось при свободе и равенстве – хотя пролетарии не считались ни рабами, ни слугами, недостатки их состояния почти превосходят выгоды. Считать общество простой суммой производства и потребления не по-христиански. Человек – это больше, чем производственная машина.

Бальмес указывал, что богатые классы не выполняли свои обязанности. Богатые должны были поддерживать бедных в тяготах, а бедным следовало уважать собственность богатых. Возникновение пролетариев и пауперов вызвано многими причинами, но если

не будут должным образом проведены социальные реформы, произойдёт всеобщая революция. И само явление пролетаризации, и его последствия выходили за пределы действий индивидов. Частной обязанности подавать милостыню становилось недостаточно. Общество имело серьёзные и строгие обязанности. Чтобы не допустить превращения противостояния между пролетариями и собственниками, между богатыми и бедными, в войну, было необходимо пересмотреть организацию экономических и социальных отношений, совместить свободу и безопасность.

Бальмес изучал материалы, посвящённые спорам промышленников и рабочих во Франции, Германии, Бельгии, Британии и США. Ему были известны труды социалистов, предшествовавших Марксу. Идеи социалистов, в первую очередь из Франции и Англии, Бальмес исследовал в эссе «Социализм» (1844), которое он опубликовал в собственном журнале «Общество». Главная цель школы социалистов была в разрушении существующего порядка в обществе и создание нового, организованного на иных основаниях. Поэтому, указывал Бальмес, требовалось беречь вечные принципы, которые сохраняли общество, чтобы мир не превратился в хаос.

Критика социалистов в целом и Оуэна в частности у Бальмеса связана и с осуждением материализма, и с анализом экономических принципов. Бальмес не соглашался с трудовой теорией стоимости и предлагал теорию дефицита. Он защищал права собственности. Бальмес признавал, что право собственности нередко связано со злоупотреблениями, но опыт всех времён демонстрировал, что исчезновение неприкосновенности собственности ведёт к распаду общества. Право собственности признавалось всегда и во всех государствах. Оно основано на естественном праве и поддерживается божественным законом, и потому священно и неприкосновенно. Право собственности присуще всем людям, востребовано в связи с самыми цennыми интересами общества и личности. В ходе буржуазной революции была допущена существенная непоследовательность, поскольку принцип собственности защищался или высмеивался в зависимости от того, когда это было выгодно. Было проведено масштабное разграбление собственности духовенства. Бальмес указывал, что если нападению подверглось имущество духовенства, то и остальных спасти будет невозможно. Вмешиваться в права собственности можно только лишь с крайней осторожностью, даже в тех случаях, когда это вмешательство производится из соображений гуманности или общественной выгоды.

Размышляя о вариантах решения «социального вопроса», Бальмес обращался к опыту обществ взаимопомощи, которые создавали рабочие, а также к попыткам мирного разрешения трудовых конфликтов общими усилиями работников, работодателей и властей. По мнению Бальмеса, высшим классам не следовало передавать государству обязанности, связанные с заботой о положении рабочих. Собственники сами должны были способствовать улучшению благосостояния рабочих [\[22, р. 85-91\]](#).

Политическая философия Хуана Браво Мурильо и социальная политика.

Критика социализма как угрозы для христианской цивилизации и защита религии как средства объединения общества были ключевыми элементами политической философии публициста и политика Хуана Браво Мурильо (1803-1873). Он избирался в парламент Испании, занимал должности министра юстиции, финансов, а также почти два года, в 1851-1852 годах, возглавлял правительство Испании. Браво Мурильо выпускал несколько газет, в частности, над изданием «Пилот» он работал вместе с Хуаном Доносом Кортесом (1809-1853), известным консервативным политиком и публицистом. Браво Мурильо сделал многое, пытаясь решить наиболее острые социальные проблемы в

Испании. Он учредил департамент коммерции, образования и общественных работ. Он содействовал развитию железных дорог в Испании. Он способствовал распространению школьного образования в сельской местности. Порядок, который предлагал Браво Мурильо, опирался на консервативно-либеральные принципы, защиту собственности, конкуренцию, вовлечение малого и среднего бизнеса в выполнение государственных заказов [\[4, с. 99-106\]](#).

В одном из своих выступлений в парламенте Браво Мурильо рассуждал о социализме и угрозах собственности. Само название социализма, отмечал он, противоречит его содержанию. Те химерические проекты, которые предлагали социалисты, представляли собой противоположность общества и отрицали его. Собственность – это основа общества, без которой общество невозможно и не будет существовать, а социализм был несовместим с собственностью. И собственность, и общество – это дело Бога. Общество поэтому не погибнет, но, при посягательстве на собственность, может произойти буря, которая повредит обществу, и даже если эта буря будет краткой, результатом станет гибель людей и разрушение многих интересов [\[9, р. 85\]](#).

Решение «социального вопроса» и защиту собственности Браво Мурильо связывал с религией. Нельзя выйти за пределы учения Иисуса Христа, изложенные в Евангелии. От бедных требовалось, чтобы они смирились, от богатых – чтобы они подавали милостыню. Следовало напоминать о притче про жадного богача, которого за гордыню ждало вечное наказание, и про бедняка, который собирал крошки хлеба, упавшие со стола богача, но мог рассчитывать на воздаяние в вечной славе.

Социалисты убеждали бедных в том, что каждый может стать богатым. Бедные поверили им, и от этого ошибочного убеждения всего один легкий и почти естественный шаг до бунта, и морального, и вооружённого, который приведёт к полному беспорядку в обществе. Исчезновение бедных невозможно, считал Браво Мурильо. А исчезновение богатых обязательно произойдёт при социализме.

Утверждать, что в обществе никто не беден, а все богаты – это то же самое, как и заявить, что в армии нет солдат, но все генералы, или в здании нет камней в основании, нет фундамента, но все материалы должны быть размещены на крыше. Социализм превратил бы общественное здание в груду развалин. Социализм привёл бы к звериной вражде между людьми, и все люди были бы нищими и несчастными. Различия, классы и порядок должны существовать. Совершенно невозможно, чтобы в обществе не было бедных и богатых. Нельзя проповедовать земное счастье и обещать, что все достигнут абсолютного процветания. Необходимо смягчать страдания и нужду, потому что этого требует религия Иисуса Христа. Богатым нужно рекомендовать благотворительность, а бедным – смирение, согласно учению и заповедям Иисуса Христа. Законы следует привести в согласие с этим учением и заповедями. Требуется защищать и укреплять права собственников, строго наказывать преступления против собственности, наставлять собственников. Положение нуждающихся необходимо облегчать, предоставляя бедным классам работу и составляя надлежащие законы об общественном благосостоянии [\[9, р. 88-89\]](#).

Религия и социальная политика в идеях Хуана Доносо Кортеса.

Все испанские консерваторы XIX века осуждали социализм, но наиболее масштабное теоретическое осмысление социализма предложил Доносо Кортес. На его восприятие роли религии в истории и обществе повлияли такие работы, как «Два града» Святого Августина, «Всеобщая история» Боссюэ, «Новая наука» Вико, а также труды де Местра

[24, р. 125-126]. Для описания динамики социальных процессов Доносо Кортес использовал диалектику Гегеля [24, р. 268]. О единстве и разнообразии в обществе и в организации власти Доносо Кортес рассуждал, следуя за Лейбницием [24, р. 281]. Внимание к социальной проблематике Доносо Кортес стал проявлять во время своего пребывания во Франции и после знакомства с работами представителей социального католицизма, де Ламенне [24, р. 125-126], Шарля де Монталамбера и Фредерика Озанама [24, р. 115]. Озанам основал благотворительное общество в честь Святого Викентия де Поля, известного католического благотворителя и проповедника XVII века, в Париже, а Доносо Кортес, следуя примеру Озанама, содействовал организации общества в Мадриде [24, р. 119]. Доносо Кортес щедро подавал милостыню, но старался держать свои пожертвования в тайне. По свидетельству журналиста Луи Вейо, Доносо Кортес поддерживал деятельность благотворительных организаций и вместе с ними помогал бедным. Монталамбер утверждал, что в Мадриде Доносо Кортес отдал шестую часть своего дохода бедным [24, р. 120]. Доносо Кортес посещал бедных в их домах и в госпиталях по воскресеньям [24, р. 123].

«Социальный вопрос» Доносо Кортес считал не только экономическим или политическим, но и моральным. В парламенте, намного опередив Джона Стюарта Милля, он согласился с социалистами в том, что главная проблема общества связана со справедливостью распределения богатства. Он предвосхитил утверждение Маркса о том, что в либеральной конкурентной экономике разовьётся монополистическая тенденция к концентрации богатства во всём меньшем количестве рук, пока не разразится революция. Доносо Кортес осуждал социалистическое решение, всеобщую конфискацию, передачу всего общественного богатства в руки государства. Вместо этого он предложил христианское решение, в духе милосердия и справедливости. Он предупреждал, что если люди не будут движимы этими идеалами, социальная проблема останется неразрешимой, и социалистическая революция станет неизбежной [24, р. 226]. Нужны были те идеи, с помощью которых христианство когда-то цивилизовало Европу, идеи неприкосновенности власти, святости послушания [24, р. 154].

В годы «Умеренного десятилетия» (1844-1854) Доносо Кортес разработал систему, сочетавшую испанские ценности, к которым он отнёс католицизм, монархию и демократию, но демократию он определял не через политические права. Как «демократия тори» в Британии возникла благодаря Дизраэли, так и Доносо Кортес предлагал социальную демократию. Доносо Кортес был секретарём комиссии, готовившей конституцию 1845 года, и в черновик проекта он добавил формулу, которая шла вразрез с преобладающим духом *laissez-faire*. Он утверждал, что массы бедняков имеют право ожидать, что правительство облегчит их страдания и протянет им руку помощи во имя братства среди испанцев. Он определил термин «демократический» как обязанность правительства дать рабочим классам образование, в первую очередь подразумевая моральное и религиозное воспитание, гарантировать им право на хлеб и другие блага и, наконец, предоставить им полное участие во всех местных и материальных интересах, но не допускать их до политической власти [24, р. 60-61].

Кортес говорил о том, что между людьми существует неравенство, и это неравенство должно сохраняться во властных отношениях. Чтобы установить иерархию, Бог сделал дары людей неравными. Чтобы был соблюден закон равенства, Бог требовал больше от того, кому дал больше, и меньше от того, кому давал меньше [18, р. 106]. Из идеи равенства, считает Кортес, проистекает разрушение семьи, поскольку семья производит

понятие знати. Подавление семьи влечет за собой подавление собственности. Земля, сама по себе вечная, может принадлежать только мертвым, которые всегда живут, то есть семьям или религиозным объединениям. Либерализм подавляет религиозные объединения явно, семейные – неявно, и, следовательно, исключает владение землей. Разрушаются узы с прошлым и будущим и солидарность со страной [\[18, р. 252-256\]](#).

Либерализм выступает против семейной солидарности, против наследственной аристократии, но признаёт национальную солидарность, в чем Кортес видит противоречие [\[18, р. 250-251\]](#). Социалистическая школа отвергает солидарность более низких порядков, семейную, политическую, национальную, религиозную, но признаёт более высокую, человеческую [\[18, р. 260\]](#). Социализм, исключающий собственность, продолжает дело либерализма [\[18, р. 255\]](#). Социализм силен потому, что это теология и будет преобладать над либеральной школой, поскольку она антитеологична и скептична [\[18, р. 175\]](#). Донос Кортес убеждён, что религия – основа общества [\[18, р. 10\]](#). Политика связана с богословием [\[18, р. 12-13\]](#).

Церковь в прошлые времена была достаточно сильна, чтобы искоренить ереси. Ересь XVI века создала смертельную угрозу для общества. Революции вышли из протестантской ереси. Они так разрушительны, потому что основаны на искажении божественного слова [\[18, р. 267-268\]](#). Донос Кортес напоминает, что за софистами следуют палачи [\[18, р. 12-13\]](#). Коммунизм исключает всякую идею свободы отдельных лиц, которые, будучи помещены под юрисдикцию всемогущего и непогрешимого правительства, могут быть не чем иным, как рабами [\[18, р. 274\]](#).

Естественно не отеческое отношение, а сила, то есть рабовладение. Отечество – от Бога [\[18, р. 32\]](#). Когда человек стал сыном Бога, он перестал быть рабом человека [\[18, р. 28\]](#). От Бога свобода человека и его индивидуальность, свобода ассоциаций. В язычестве человек поглощен совокупностью, средой [\[18, р. 57\]](#). Общество с католической точки зрения – совокупность людей, объединённая законами и институтами. Добро и зло в обществе от людей, искоренение зла – это работа с людьми [\[18, р. 201\]](#).

Церковь примиряет, для светской власти война – естественное состояние [\[18, р. 51\]](#). Под властью церкви процветали науки, очищалась мораль, совершенствовались законы, процветали все великие институты, политические и социальные. Она защищала свободу от тех, кто стремился превратить власть в тиранию [\[18, р. 38\]](#). Нетерпимость церкви к доктринаам спасает мир от хаоса [\[18, р. 42\]](#). Благодаря церкви достигается социальное единство при сохранении иерархии и разнообразия, свободное социальное общение – людей, семей, групп, классов. Нет атомизма, есть братство. Множество муниципалитетов объединяется в единство нации. Нации, возглавляемые королями, объединяет церковь [\[18, р. 45-46\]](#). Католическое благословление власти означает избавление от гордыни, и, следовательно, от бунтов и тирании [\[18, р. 30\]](#). Кортес указывает, что при вручении королевской власти церковь предписывает монархам любить справедливость, ненавидеть беззаконие и поддерживать слабых [\[18, р. 28\]](#).

Донос Кортес рекомендовал королевскому двору публичную милостыню, чтобы показать пример богатым. Если положение бедных не будет облегчено, придет социализм, классовая война между богатыми и бедными, уничтожение монархии и конфискация богатства [\[24, р. 233-234\]](#). Донос Кортес ждал, что дух католицизма будет восстановлен в

экономическом и политическом законодательстве Испании и в образовании, чтобы обеспечить справедливость и сохранить общество. Государство может обеспечить внешние условия, но Церковь должна достичь умы и сердца [\[24, р. 234\]](#).

Монархические, клерикальные и консервативные силы Европы могли бы подорвать силу революционного движения, добиться народной лояльности посредством социально-экономических реформ и плебисцитарной демократии и предотвратить социалистические революции и анархию [\[24, р. 218\]](#). Поскольку такая борьба потребовала бы силовых мер, Доносо Кортес был готов санкционировать диктатуру [\[24, р. 227-228\]](#). Он говорил о выборе между диктатурой правительства и диктатурой толпы, и считал, что следовало выбрать диктатуру правительства [\[29, р. 74\]](#). Ошибка Браво Мурильо, говорил Доносо Кортес, заключалась в том, что он не искал поддержки у народа, то есть не принял плебисцитарную авторитарную демократию, как Луи Наполеон [\[24, р. 239\]](#), который должен был провести социально-экономические реформы, избавить Францию от социализма и дать пример для Европы. Бисмарк и Дизраэли впоследствии воплощали идеи социального консерватизма, намеченные Доносом Кортесом [\[24, р. 190-191\]](#).

Социальная и политическая философия Антонио Кановаса дель Кастильо.

Как и Доносо Кортес, Кановас дель Кастильо связывал социальные и религиозные вопросы [\[13, р. 115\]](#). Кановас дель Кастильо занимал должность премьер-министра и в конце XIX века сумел достичь мира и стабильности в Испании после серии гражданских войн и переворотов, содействуя восстановлению монархии в 1874 году и разработке конституции в 1876 году. Он учитывал британский опыт и ориентировался на политическую философию Бёрка. Он создал двухпартийную систему, в которой власть учреждённой им Либерально-Консервативной партии сменялась властью Либеральной партии.

Кановас дель Кастильо видел большую угрозу в демократизации и стремился её минимизировать. По его мнению, распространение избирательного права на пролетариат в Европе во второй половине XIX века было ошибкой. Всеобщее избирательное право и собственность не могут существовать вместе [\[12, р. 94\]](#), избирательное право либо превратится в обман, либо приведёт к коммунизму [\[12, р. 97\]](#).

Массы ушли от христианства и оставлены на произвол законов политэкономии. Пролетарии будут бунтовать не только против Бога, но против всякой власти и норм. Философи учат пролетариат, что ему не на что надеяться и нечего бояться [\[13, р. 182\]](#). Демократия заявляет, что люди имеют одинаковую способность к изданию законов по достижении произвольного возраста, признаёт превосходство только численности и считает справедливым только то, чего желает большинство [\[14, р. 490\]](#). Когда, на фоне тягот, несправедливости и неудач, распространяются теории о том, что нужно только наслаждаться жизнью, что за этой жизнью нет другой, что нет высшей справедливости, люди будут присоединяться к Интернационалу [\[11, р. 392\]](#).

Помимо нищеты и материальной нужды, соперничество, жадность и зависть людей не будут заглушены абстрактным соображением о том, что благо человечества требует, чтобы одни имели большую, а другие – меньшую долю [\[13, р. 134\]](#). Неравенство состояния при политическом равенстве терзает наиболее умных и культурных среди рабочих. Бедность часто склоняет к смирению, в то время как удовлетворение потребностей придаёт смелость требовать большего. Немецкие рабочие, которые поддерживают

социализм, не из тех, кто борется за жизнь, а те, кто хочет быть наравне с самыми преуспевающими [14, р. 513]. Социализм исходит не из голода, который подавляет, а из зависти, которая злит [13, р. 134].

Получив власть, пролетариат стал бы стремиться улучшить своё положение, поскольку власть основана на собственности [12, р. 88]. Кановас дель Кастильо приводил в пример опыт Древней Греции [11, р. 412] и Рима, где стремление к равенству и торжество плебса стали причиной угасания свободы и цезаризма [14, р. 496]. По мнению Кановаса дель Кастильо, избирательное право должно быть основано на цензге [12, р. 96], в противном случае для защиты собственности будут использованы милитаризация [11, р. 410] и диктатура [11, р. 448]. Борьба против социализма ведётся консерваторами из опасений за свободу и за судьбу множеств, которых социалисты ведут к напрасным жертвам и гибели [11, р. 408]. Современный ему межклассовый конфликт он считал наиболее опасным в истории [13, р. 135]. Эксперименты и попытки социальных реформ, направленные на химерическую цель, слишком дороги, они порождают слишком много страданий и непоправимых ошибок [12, р. 59].

Социалисты утверждали, что государству следовало отнять блага у собственников и раздать их малоимущим. Перераспределение подчиняло человека внешней воле. Ни человек, ни общество не могут лишать человека собственности. Государство необходимо для того, чтобы защищать права людей, среди которых право собственности важнейшее [19, р. 614-615]. Собственность – основа древнего и современного общества, условие политического порядка [11, р. 421], преемственности, ответственности перед потомками, чего не понимают коллективисты, живущие настоящим [12, р. 73-75].

Социальный вопрос стал последствием индустриализации и конкуренции. Право собственности вошло в противоречие с правом на жизнь [14, р. 456]. Кановас дель Кастильо исходил из мальтизианских представлений о том, что население растёт быстрее, чем ресурсы. Он говорил, что на каждую буханку хлеба, замешанную в мире, рождается два человека [13, р. 134]. Пролетариат находился в крайне тяжёлом положении, а на работодателей давило соревнование с другими державами, из-за чего та страна, в которой предпринимались бы попытки улучшения положения нуждающихся, оказывалась бы в проигрышной ситуации по сравнению с теми странами, где сохранялся чистый laissez-faire [14, р. 511].

Кановас дель Кастильо не поддерживал неограниченную конкуренцию и считал целесообразным протекционизм [14, р. 488]. Рабочий погибает не по своей вине, как только товар, называемый трудом, становится излишним. Будущая гармония капитала и труда, которую обещает ему наука, не компенсирует ему его нынешние страдания [13, р. 132]. Проблемы, связанные с человеческими страстями, не решаются средствами laissez-faire [11, р. 419].

Консерваторы сочувствуют рабочим, но социализм и Интернационал как его представитель выступают против всяких мер улучшения состояния рабочих, вроде кооперативов, поскольку такие меры создают новых собственников и дают силу консервативным классам [11, р. 412-413]. Интернационал – величайшая опасность, которой когда-либо подвергались человеческие общества [11, р. 405]. Интернационал не хочет

частичных или постепенных реформ. Интернационал требует всё или ничего, чтобы раз и навсегда был решён вопрос всех трудящихся, и называет это человеческой солидарностью [11, р. 437].

Нельзя путать навязанное братство Интернационала и добровольное братство, которое принесено в мир Евангелием, и элемент, условие и плод которого составляет подаяние [11, р. 412]. Милостыня – ключ ко всякой прочно построенной экономической системе и самая тесная и надежная связь между социальными классами [13, р. 154].

Бедным сказано: «Не желай чужого добра». Богатым сказано: «Продай всё, что имеешь, и отдай бедным» [11, р. 416]. Под защитой этих принципов экономический закон свободной конкуренции мог бы не опасаться ни нищеты, ни варварского коммунизма. Не заботьтесь, проповедовал Иисус, что есть, или что пить, или во что одеться, ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Работа может быть достаточной для пропитания, по божественному Провидению, но при условии, что человеческое общество организовано согласно законам Бога [13, р. 157-158].

Христианство освящало бедность и тяготы, обещало воздаяние бедным на небе. Христианское милосердие – посредник между богатыми и бедными, смягчает противостояние рабочих и капиталистов в условиях конкурентной экономики. За пределами христианской цивилизации в истории было только одно решение для вечного антагонизма между богатыми и бедными, а именно языческое рабство [13, р. 152].

Христианство обращено к личности, а не к неопределённому человечеству [11, р. 391]. Концепция человечества скорее ухудшает, чем смягчает общественные конфликты [13, р. 153], и не защитит от угроз социализма [13, р. 141]. Без религиозной веры всякое представление о справедливости несовместимо с законами политической экономии [13, р. 139]. Конфликт усугубляется широко распространенным религиозным неверием среди рабочих [14, р. 460]. Когда низшие классы в целом верили в Бога, у них было утешение в несчастьях. В конкуренции не может не быть проигравших, и кроме религии их ничто не утешит [11, р. 415]. Политической экономии нужно прибавить к её законам теорию несовершенства земной жизни, соединенную с догматом бессмертия, который обещает совершенство в другой, лучшей жизни [13, р. 151].

Когда религиозное чувство и внутренний судья сохраняются, сохраняются права и не допускается диктатура и тирания государства [11, р. 390-391]. Мораль без религии произвольна и изменчива, справедливость относительна, а закон – выражение силы, а не обязанностей, поскольку обязанности могут быть только перед Богом [12, р. 64]. От борьбы против религии до варварского коммунизма один шаг [13, р. 158].

Социалисты рассуждали, что неравенство смягчалось религиозностью – господа повелевали не из эгоизма, но имели власть от Бога, создателя неравенства в обществе. Слуга был ниже в гражданском обществе, но в духовном они были равны с господином [13, р. 162]. Поэтому социалисты призывали к разрушению идеи Бога, и вслед за ней исчезло бы всё, что они ненавидели или чему они завидовали – капитал, собственность, семья [13, р. 163].

Кановас дель Кастильо считал неравенство естественным и происходящим от Бога [19, р. 614-615]. Физические и интеллектуальные способности не равны от рождения.

Образование зависит от происхождения [13, р. 128]. Разумные меньшинства всегда будут править миром [11, р. 446]. Аристотель говорил, что следует обсуждать не выравнивание состояний, а выравнивание страстей. Ни желания, ни способность к труду, ни мораль, не будут выравниваться. Эти неравенства – великое богатство человеческого рода. Люди свободны и активны, борьба и контрасты – условие прогресса и жизни, которую застопорит [11, р. 440].

Объём материальных благ возрастает, но разделение на богатых и бедных сохраняется, и относительная нищета будет сохраняться всегда. Страдания наименее обеспеченных были неизбежными и связаны с природой человека, как и болезни [19, р. 614-615]. Всегда будет последняя ступенька на социальной лестнице, пролетариат, который придётся сдерживать двумя способами: благотворительностью, образованием, моральными ресурсами, а когда их недостаточно, силой [11, р. 439].

Отношение Кановаса дель Кастильо к государственному вмешательству и организации социальной поддержки менялось на протяжении последних десятилетий XIX века. Он говорил о том, что сложно разделить, какая часть труда человека, сотрудничающего с другими, принадлежит ему, какая – объединению, какая – государству [12, р. 68]. Государство может выполнять функцию социальной поддержки там, где не сработало милосердие [12, р. 71], но ради пользы человека и его достоинства, всё, что он может сделать индивидуально или коллективно, он должен делать, не требуя и не получая никакой помощи от государства [12, р. 69].

В 1870-е он категорически возражал против государственной помощи нуждающимся, и говорил, что даже введение всеобщего обязательного образования – шаг к социализму. Государство не должно создавать общественное благосостояние, потому что благосостояние будет расти только вследствие свободного развития производительных сил и нравственных способностей. Любая промышленная реформа, которая не исходит из индивидуального неравенства, претендует на то, чтобы уравновесить различные условия жизни людей, должна. Политическая экономия справедливо связывает распределение с врождённым неравенством [13, р. 130-131].

Предлагаемые в эти годы меры решения социального вопроса – кооперативы и патронаж, разработанный Фредериком ле Пле, – Кановас дель Кастильо считал неэффективными для снижения социального недовольства [14, р. 461]. Но он считал их более удачными, чем работные дома [13, р. 150-151], и более плодотворными, чем другие решения, как показывал опыт Англии и Германии [14, р. 461].

Экономисты предлагали рабочим преодолевать бедность, становясь собственниками, но это означало, что бедность непреодолима, поскольку при низких зарплатах и безработице накопления невозможны. Производство космополитично и находится вне пределов индивидуальной предусмотрительности. Конкуренция преумножает блага там, где конкурирующее государство побеждает прочие, как Англия [14, р. 480-481].

Он полагал, что единственным путём к сохранению социального мира было восстановление религиозности и благотворительность, поскольку религия примиряла бедных с их участью и утверждала согласие между классами, предписывая богатым подаяние.

Но в 1890-е он говорил, что благотворительности недостаточно [10, р. 553], и одна

церковь не может решить социальный вопрос [10, p. 557]. Он высоко оценивал опыт Швейцарии [14, p. 463] и Германии в сфере трудового регулирования, особенно опыт Бисмарка, который свои реформы называл «практическим христианством» [14, p. 507], но по-прежнему предупреждал об ограничениях, поскольку популярность социализма в Германии не ослабла [14, p. 462].

Кановас дель Кастильо говорил, что приближалось время, когда политический режим станут оценивать за его способность упорядочивать отношения между трудом и капиталом и содействовать их согласию [22, p. 129]. Пусть политическая экономия и мораль будут скординированы в экономической политике под надзором государства, и во всём, для чего недостаточно христианского милосердия и его имитации, альтруизма [14, p. 486].

В Испании, по мнению Кановаса дель Кастильо, состояние рабочего вопроса было лучше, чем в других странах. Работодатели заботились о состоянии рабочих, о проблемах роста цен, болезней, безработных, инвалидов. Работодатели считали, что создать службу, чтобы помочь всем страждущим, невозможно, но следовало помогать тем, кто не мог обеспечивать себя трудом [14, p. 520]. Сам Кановас дель Кастильо был председателем комиссии, занимавшейся социальными законами, и его инициативы развивали испанские начинания, а не подражали Германии [10, p. 549].

Он говорил, что если испанское государство и не в состоянии субсидировать защиту рабочих до тех пор, пока их финансовое положение не улучшится, то рабочие могут получить помощь от законов, а также религии, индивидуальной благотворительности и активности работодателей [10, p. 553]. Правительство должно контактировать с разумными рабочими. Долг богатых – помогать правительствам без эгоизма, способствуя распространению благ современной цивилизации для всех [14, p. 515]. Необходима дополнительная организация индивидуальной инициативы, исходящая от великих социальных сил [14, p. 522]. Пример – созданный королевской семьей приют для инвалидов [10, p. 553]. Церковь должна распространять частную благотворительность, защищать и создавать благочестивые общества [10, p. 557].

Заключение.

Испанские консерваторы XIX века считали, что урегулирование конфликта богатых и бедных в широком смысле и решение «социального вопроса» эпохи индустриализации в частности возможно в первую очередь благодаря религии. Если в протестантизме бедность стала восприниматься как проблема, требующая решения и вмешательства светских властей, то в католичестве к бедности относились как к варианту подвижничества, социального служения. Для всех консерваторов ключевая идея – неравенство, связанное как с различными природными качествами людей, так и с различными приобретёнными навыками и разной важностью выполняемых социальных функций. Меры социальной поддержки поэтому призваны не преодолеть бедность как таковую, а облегчить положение бедных таким образом, чтобы оно не создавало конфликтов, угрожающих социальному порядку и собственности. Консерваторы не соглашались с либеральной установкой *laissez-faire*, согласно которой рыночные силы распределили бы блага наилучшим образом, и государству не следовало вмешиваться в деятельность хозяйствующих субъектов. Консерваторы критиковали и социалистические проекты по решению «социального вопроса» с помощью перераспределения и обычно с

недоверием относились к государственному вмешательству. Главным субъектом социальной поддержки, по мнению консерваторов, должна была быть религиозная благотворительность, затем – общества взаимопомощи и корпоративной поддержки, и только затем государство. Консерваторы не доверяли идее общечеловеческой солидарности, выражаемой социалистами, и считали, что согласование интересов возможно только в общем пространстве религиозной солидарности. Консервативное социальное государство, сложившееся в Испании в XX веке, опиралось на общества взаимопомощи, религиозную благотворительность и корпоративную солидарность, согласно предложениям представителей испанской консервативной политической философии.

Библиография

1. Василенко Ю.В. Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании // Антиномии. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 91-108.
2. Василенко Ю.В. Х. Бальмес и проблемы адаптации испанского традиционализма к условиям нового порядка // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 304-329.
3. Василенко Ю.В. Х. Доносо Кортес как политический журналист и теоретик либерального консерватизма // Социум и власть. 2014. № 1. С. 39-44.
4. Василенко Ю.В. Хуан Браво Мурильо – управленец и идеолог // Ars Administrandi. 2011. № 2. С. 92-109.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. Москва: РОССПЭН, 2002. 288 с.
6. Acle-Kreysing A. Taming the Revolution in Nineteenth-Century Spain Jaime Balmes and Juan Donoso Cortes. Frankfurt: Campus Verlag, 2022. 312 p.
7. Arrizabalaga J. Poor relief in counter-reformation Castile: an overview. // Health care and poor relief in counter-reformation Europe / Ed. by J. Arrizabalaga, A. Cunningham, O.P. Grell New York: Routledge, 2005. P. 151-176.
8. Balmes J. Protestantism and catholicity compared in their effects on the civilization of Europe. Baltimore: John Murphy and Co, 1851. 525 p.
9. Bravo Murilio J. Discurso de 30 de Enero de 1858, seguido de rectificaciones // Opusclos. In 5 Vols. Vol 1. Madrid: Libreria de San Martin, 1863. P. 74-116.
10. Canovas del Castillo A. De los resultados de la conferencia de Berlin y del estado oficial de la cuestion obrera // Canovas del Castillo A. Problemas Contemporaneos. 3 T. T. 3. Madrid: Imprenta y Fundicion de M. Tello. 1890. P. 523-562.
11. Canovas del Castillo A. Discurso parlamentario sobre la Internacional // Canovas del Castillo A. Problemas Contemporaneos. 3 T. T. 1. Madrid: Imprenta y Fundicion de M. Tello. 1884. P. 361-451.
12. Canovas del Castillo A. Discurso segundo del Ateneo // Canovas del Castillo A. Problemas Contemporaneos. 3 T. T. 1. Madrid: Imprenta y Fundicion de M. Tello. 1884. P. 53-109.
13. Canovas del Castillo A. Discurso tercero del Ateneo // Canovas del Castillo A. Problemas Contemporaneos. 3 T. T. 1. Madrid: Imprenta y Fundicion de M. Tello. 1884. P. 111-205.
14. Canovas del Castillo A. La cuestion obrera y su nuevo character // Canovas del Castillo A. Problemas Contemporaneos. 3 T. T. 3. Madrid: Imprenta y Fundicion de M. Tello. 1890. P. 451-522.
15. Carasa P. Welfare Provision in Castile and Madrid // Health care and poor relief in 18th and 19th century Southern Europe / Ed by O. P. Grell, A. Cunningham, B. Roeck. Abingdon: Routledge, 2017. P. 96-120.
16. Comin F. Los seguros sociales y el estado de bienestar en el siglo XX. Los orígenes del

- estado de bienestar en España, 1900–1945 / Ed. by J. Pons Pons, J. S. Rodriguez. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2011. P. 17-50.
17. Coser L. Functions of social conflicts. New York: Free Press, 1956. 188 p.
18. Donoso Cortes J. Essay on Catholicism Liberalism and Socialism considered in their fundamental principles / Transl. from Spanish by M.V. Goddard. Philadelphia: J.B. Lippincot & Co., 1862. 335 p.
19. Fernandez de la Mora G. Canovas ante la gloriosa // Antonio Canovas del Castillo: homenaje y memoria de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas: 1897-1997. Madrid: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas, 1997. P. 605-615.
20. Fernandez Herrero M. Proceso de convivencia y sustitución de las instituciones eclesiásticas por las civiles en la acción social del estado liberal // Revista Española de Investigaciones Sociológicas, 2007. Vol. 118. P. 27-63.
21. Fonseca E.M. Spanish Conservatives at the Early Stages of Spanish Democracy: Reshaping the Concepts of State and Community in the Thought of Manuel Fraga // Genealogy. 2020. Vol. 4. № 1.
22. Fraga Iribarne M. El pensamiento conservador español. Barcelona: Planeta, 1981. 460 p.
23. Freeman R. The Wayward Welfare State. Stanford: Hoover Institution Press, 1981. 542 p.
24. Graham J.T. Donoso Cortes. Utopian Romanticist and Political Realist. Columbia: University of Missouri press, 1974. 349 p.
25. Herr R. Rural Change and Royal Finances in Spain at the End of the Old Regime. Berkeley: University of California press, 1989. 922 p.
26. Herr R. The Eighteenth-Century Revolution in Spain. Princeton: Princeton university press, 1958. 496 p.
27. Lopez Terrada M.L. Health care and poor relief in the crown of Aragon // Health care and poor relief in counter-reformation Europe / Ed. by J. Arrizabalaga, A. Cunningham, O.P. Grell New York: Routledge, 2005. P. 177-200.
28. Mangen S.P. Spanish society after Franco. Regime transition and the welfare state. Basingstoke: Palgrave, 2001. 242 p.
29. Prutsch M.J. Caesarism in the Post-Revolutionary Age. Crisis, Populace and Leadership. London: Bloomsbury Academic, 2020. 305 p.
30. Vives J.L. On assistance to the poor. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 71 p.
31. Wilson F.G. Order and legitimacy. Political thought in national Spain. New Brunswick: Transaction, 2004. 189 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает политico-идеологическая рефлексия социальной проблематики в испанской консервативной политической философии XIX в. Учитывая наблюдаемый во многих странах мира в последние десятилетия «правый поворот», вызванный неспособностью либеральных национальных правительств решить социальные проблемы, с которыми сталкиваются глобализирующиеся общества, актуальность темы консервативной рефлексии этих проблем следует признать весьма высокой. К сожалению, о собственно методологии своего исследования автор не говорит ни слова, несмотря на специально выделенный раздел «Исследования по теме. Методология». Разъяснения автора по поводу того, что он исследовал («историю формирования социальной политики в Испании», отношение

испанских консерваторов к типичным политико-идеологическим проблемам вроде неравенства, собственности, государственному интервенционизму и т. д.) не дают ответа на ключевой методологический вопрос, КАК (какими научными средствами, инструментами) это исследование проводилось. Тем не менее, из контекста можно понять, что в процессе работы применялись исторический (при анализе исторического контекста возникновения или актуализации тех или иных идеологических концептов в Испании), институциональный (при изучении конкретных институтов, оказывающих влияние на формирование тех или иных идей, а также социальной базы консервативной идеологии), критический концептуальный методы, а также некоторые элементы контент-анализа (при исследовании идеологического содержания трудов ключевых представителей консерватизма в Испании XIX в.). Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт об экспликации и систематизации консервативных идеологических концептов из трудов политиков и государственных деятелей Испании рассматриваемого периода – Х. Бальмеса, Х. Браво Мурильо, Х. Доносо Кортеса, А. Кановаса дель Кастильо и др. Наиболее интересным для специалистов в области теории и истории идеологий представляется акцент автора рецензируемой статьи на консервативной рефлексии социальной проблематики, а также на политических результатах этой рефлексии – становлении институтов консервативного социального государства в Испании XX века. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение. Социальный вопрос и социальный конфликт», где ставится научная проблема и аргументируется её актуальность; - «Исследования по теме. Методология», где проводится краткий обзор литературы по теме исследования, а также декларируется (но не реализовывается) теоретико-методологическая рефлексия научного базиса проводимого исследования; - «Развитие социальной политики в Испании до XX века», где анализируются социально-экономические, политические, институциональные и проч. предпосылки актуализации социальной проблематики в Испании исследуемого периода; - «Отношение к социальной политике Хайме Бальмеса», «Политическая философия Хуана Браво Мурильо и социальная политика», «Религия и социальная политика в идеях Хуана Доносо Кортеса», «Социальная и политическая философия Антонио Кановаса дель Кастильо», посвящённые непосредственному анализу идеологических концептов в трудах ключевых представителей испанского консерватизма XIX в.; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, перечисление разнорядковых явлений в одной логической связи: «Неоконсерватизм [идеология – рец.] и недоверие к масштабному государственному вмешательству [идеологический концепт – рец.] распространяется также...»; или крайне громоздкие и трудновоспринимаемые предложения вроде «Для анализа отношения испанских консерваторов к социальной политике как средству урегулирования социальных конфликтов изучаются их восприятие структуры общества...», когда решительно невозможно понять, «кто на ком стоял, и кто кого съел»; и др.) и грамматических (например, пропущенные запятые, обособляющие вводное слово «в частности» в предложении «...Урегулирование конфликта богатых и бедных в широком смысле и решение "социального вопроса" эпохи индустриализации в частности возможно...»; или наоборот, лишние запятые, обособляющие наречие «обычно» в предложении «...В настоящее время составляют около трети ВВП и, обычно, на них приходится большая часть бюджетных трат...»; и др.) погрешностей, но в целом он

написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 31 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе основных подходов к решению поставленной проблемы в кратком литобзоре.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, конфликтологов, специалистов в области политических идеологий, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.